

ЖУКОВ Алексей Юрьевич / ZHUKOV Alexei

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

zhukov@karelia.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ УКЛАД И ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ЖИЗНИ ГОРОЖАН: ГОРОД ОЛОНЕЦ В СЕРЕДИНЕ XVII–XVIII ВВ.*

TOWNSPEOPLE'S PEASANT WAY OF LIFE AND MILITARY SERVICE:
THE TOWN OF OLONETS IN THE MIDDLE OF THE 17TH AND THE EARLY
18TH CENTURIES

Abstract: The group gradation in Russia had not ever reached the top point even by the end of the 18th century, particularly in provincial towns. Thus, between the middle of the 17th and the early 18th centuries the urban population of the Karelian town of Olonets were semi-peasants and semi-merchants while the streltsy were semi-soldiers and semi-craftsmen at the same time, as well as semi-policemen (within the framework of local self-government). The reason for their “intermediate status” of that kind lies in the services imposed on the non-privileged strata of taxpayers.

Ключевые слова / Keywords: Сословия, городское население, крестьянство, купечество, ремесленники, стрельцы, солдаты, крепость, провинциальный город, уезд, самоуправление / Estates, urban population, peasantry, merchantry, craftsmen, streltsy, soldiers, fortress, provincial town, uезд, self-government

Город Олонец как центр воеводского управления Олонецким уездом был основан в 1649 г. поблизости от древнего сельского центра Олонецкого погоста. Новые горожане, которые в основном были представлены посадскими людьми и стрельцами, имели местное крестьянское происхождение. В XVIII в. их потомки вошли в различные группы сословной структуры Российской империи.

Сословия хорошо известны истории Западной Европы. Там сословия формировались как определённые большие группы (слои) населения, с узаконенным родом занятий и соответствовавшими им более или менее чётко оформленными правами и обязанностями как внутри группы, так и по отношению к другим группам и государству в целом. В России же складывание сословного устройства общества оказалось более длительным. С определённой последовательностью и осмысленностью сословное устройство стало оформляться лишь в царствование

* Работа выполнена на средства бюджетного финансирования плановой научной темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)» (Срок выполнения: 2018–2020 гг.). Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9. The work was done with the means of budget financing of the planned scientific theme “Karelia in conditions of peace and war (from the Middle Ages to the present day)” (Deadline: 2018–2020). State registration number: АААА-А18-118030190093-9.

Петра I Алексеевича. В качестве примера приведём его знаменитые указы о единонаследии (1714 г.) и «Табель о рангах» (1722 г.)¹. Ключевой момент сословной реформы Петра I — зависимость служилых слоёв от государства, подчинение его интересам по службе.

Сошлёмся и на историографию сословной проблематики. Так, А. Б. Каменский утверждает, что до царствования Петра III «социальная структура Российской империи была такова, что все слои общества, его сословия и сословные группы, все население огромной страны было лично зависимым и обязано той или иной службой либо другому сословию, либо непосредственно государству». Он же полагает, что до конца XVII — первой четверти XVIII в. «дворянства как единого сословия не существовало, а “правлящий” класс состоял из ряда сословных групп, сильно различавшихся между собой и по имущественному, и по правовому положению»².

В развернувшейся затем дискуссии о характере сословно-классового строя России, как допетровского времени, так и XVIII–XIX вв., были определены перспективные направления дальнейших исследований: институты сословной организации и характер юридического оформления сословных структур; сословное представительство и эволюция системы государственных органов России; эпохи реформ, перемены в сословной стратификации общества и сословная политика правительства; сословный менталитет и особенности «политического поведения»³.

К настоящему времени в историографии доминирует мнение о ведущей роли государства в развитии сословий, наиболее конституированным из которых в XVIII в. стало дворянство, превратившееся из социальной группы служилых людей в правящий класс, костяк бюрократического аппарата и армии⁴. Результаты состоявшейся дискуссии обобщены в историографической статье Е. Н. Марасиновой 2007 г. Она повторила их в очерках (монографии) о взаимоотношении власти и личности (общества) в XVIII в.⁵

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. V. 1713–1719. С. 91–94; Т. VI. 1720–1722. С. 486–493.

² Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 62–63.

³ Доклады конференции опубликованы: Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX вв.: Чтения памяти Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. I–II.

⁴ Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 562.

⁵ Марасинова Е. Н. Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: Памяти профессора А. А. Преображенского: Сборник статей. М., 2007. С. 277–302. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=422> (29.12.2018); Её же. Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213372767> (29.12.2018).

Вслед за автором указанных работ нас более всего не устраивает тезис научного дискурса о всеобщем закреплении сословий в XVI–XVII вв. и их постепенном освобождении на протяжении XVIII–XIX столетий. Наиболее чётко он прописан у Б. Н. Миронова, утверждающего, что к началу XVIII в. «все население России было закрепощено, причём в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство — государством и епископами, посадские — государством и посадской общиной, государственные крестьяне — казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне — казной, сельской общиной и помещиком, дворянство — государством»⁶.

Прежде чем некий «субъект» (актор) мог произвести решительное действие (например, «закрепление») над «объектом», и первый, и второй должны находиться в статичном состоянии, а их взаимоотношения обязаны быть жёстко фиксированными и неизменными. В противном случае становится весьма надёжной «сцепка» между актором и объектом воздействия, и результаты такого «решительного действия» страдают размытостью, половинчатостью, незавершенностью. Но известно, что избранное нами для исследования время как раз и характеризовалось отсутствием указанной статичности. Прежде всего, само государство (актор) находилось в переходном состоянии от порядков сословно-представительской монархии к состоянию абсолютной монархии. Переходность воплощалась в бурных социально-политических коллизиях, которыми изобиловали как начало Петровского царствования (начиная со стрельцкого бунта и регентства Софьи Алексеевны), так и «эпоха дворцовых переворотов» XVIII в.

Однако в то время и общество, и его отдельные группы не представляли собой статично застывшие формы. В данной статье эта ситуация анализируется на примере посадских и стрельцов города Олонца и крестьян Олонецкого уезда.

В целом, размытость сословного статуса широкого круга сословных групп, его нечёткое оформление, законодательно вынуждают нас употреблять термины *сословие* и *сословная группа* в определённой степени условно, а именно в той мере, в какой реальный статус и функции различных групп общества соответствовали их законодательно оформленному сословному статусу. При этом особенно осторожно определение *сословие* следует употреблять по отношению к допетровскому времени. Известно, что сословная структура Российской империи брала начало в социально-классовой стратификации общества предыдущих времен Российского царства. Соборное Уложение 1649 г. в известной мере цементировало на высшем законодательном уровне социальную структуру. Однако в данном разрезе Уложение не смогло разрешить проблему чёткого разделения на страты и слои

⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 413.

с резкими границами между ними не только в плане юридического узаконения прав и обязанностей, но даже по роду занятий.

Например, проживавшие в городских стрелецких слободах военные-стрельцы занимались одновременно и торговлей, и ремеслом, что вызывало недовольство собственно городских купцов и ремесленников. Последние, впрочем, также имели зачастую нехарактерные для их «сословия» занятия как до сословной реформы Петра I начала 1720-х гг., так и после законодательных унификаций укладов жизни различных классов и слоёв общества. Поэтому представляется важным отследить те противоречия, которые характеризовали уклады жизни и профессиональной деятельности тех же самых горожан-посадских, как до царствования Петра Алексеевича, так и многим позднее, когда посадские превратились в сословные слои *купцов, мещан* («городских обывателей») и других.

Горожанину надлежит проживать в городе. Но, как и в случае дискуссии о сословном устройстве России, отечественная историография как бы «теряется» и в определениях «российский город» и «статус горожанина» того времени. В самом деле, легче всего с таким определением дело обстоит в отношении западноевропейской, в том числе скандинавской ситуации. Город — это самоуправляющееся сообщество, обладающее особыми правами и привилегиями, коих лишены сельские жители. Город — это обособленная административно, юридически и церковно территория. Из данного статуса, кстати, и следовало юридическое оформление сословия горожан в Новое время. В России ситуация была иной. Отмечалось, что посадские, кроме торговли и ремесла, занимались сельским хозяйством, и лишь наличие крепости делало поселение городом⁷.

Ни в коей мере не претендуя на решение означенной проблемы статуса российского города, всё же позволим себе привести некоторые примеры из истории Карелии, иллюстрирующие сложность рассматриваемой ситуации.

Так, на севере Карелии, в неземледельческом Беломорье находился Сумский острог, который являлся и военной крепостью, и крупнейшим в Западном Беломорье торгом Соловецкого монастыря и монастырских крестьян. Кроме того, с 1580-х по 1630-е гг. в остроге размещалась резиденция государевых воевод, которым подчинялся стрелецкий гарнизон; «гражданскую» (вотчинную) администрацию представлял сумский приказной старец из числа неромонахов Соловецкого монастыря, которому правительство подчинило именно в управление

⁷ Дискуссию об этом см.: *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 162. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=465> (29.12.2018).

все западно-беломорские соловецкие вотчинные волости⁸. Заметим, что Сумский острог всё же не стал городом. Официально не возникло и Сумского уезда как единицы административно-территориального устройства государства. В то же время располагавшееся немногим севернее промысловое (а не торговое) поселение Кемь в конце XVI в. также обзавелось крепостью-острогом, а в 1784 г. Кемский городок был преобразован в город Кемь, центр нового Кемского уезда Архангельской губернии.

Тогда же правительство наделило статусом уездного города центр Пудожского погоста (района). Между тем и в Средние века, и в начале Нового времени будущий город не имел своей крепости, а представлял собой собственно Пудожский погост-место, то есть приходскую церковь с кладбищем и куст из шести деревень в её округе. Они и стали городом Пудожем, но ни городской крепости ни хотя бы укрепления вокруг жилых кварталов (как в Петрозаводске), в нём все равно не появилось, а новые горожане как занимались до этого сельским хозяйством, торговлей и промыслами, так и продолжили заниматься этой привычной для себя деятельностью. Из данных примеров, касающихся территории только нынешней Карелии, как будто бы следует, что город — это поселение, признанное в качестве такового правительством, которое отправляло туда соответствующую государственную администрацию. Очевидно, однако, что приблизиться к решению проблемы «город и горожане» можно лишь подробно изучая историю множества российских городов. Убедительные материалы для этого предоставляет история раннего Олонца.

Цель данной работы — выявление степени отмеченной «условности» социального, сословного статуса городского населения на примере жителей Олонца в середине XVII–XVIII в.

Город Олонец, то есть прежде всего Олонецкая крепость, а также и городской посад при ней, был основан в 1649 г., на стрелке в месте слияния рек Верхний Олонец и Мегрега. Олонец находился недалеко от беспокойной русско-шведской границы в Карелии, и поэтому вскоре на южном берегу Мегреги, напротив крепости, встала Стрелецкая слобода, заселённая тремя сотнями олонецких стрельцов. Первыми горожанами-посадскими становились не переселенцы из других городов страны, а местные зажиточные *крестьяне и сельские торговцы*, главным образом из ближайшего Олонецкого погоста, чьи деревни и земли превратились теперь в «олонецкие ближние волости» (по отношению к городу Олонцу).

⁸ Подробнее см.: Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII вв. Петрозаводск, 2013. С. 396–398; *Его же*. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 89–90.

Это мероприятие отражало *обычную практику записи* (во многом *добровольной*) в новые горожане окрестных сельских жителей при учреждении городов.

Данная практика применялась и в дальнейшем, во времена империи. Достаточно вспомнить, что уже в следующем XVIII столетии в той же Карелии, например, новый центр Олонецкого наместничества (губернии) Петрозаводск (получил статус города в 1777 г.) был заселён «из записавшихся в то время купцов, мещан и разных селений крестьян, простирившихся числом до 2400 душ мужского пола», как написано в «Предложениях по улучшению состояния г. Петрозаводска, выработанных городничим, городским головой и депутатами, избранными от граждан» (30 мая 1826 г.)⁹. Тогда же городское начальство и депутаты констатировали катастрофическое уменьшение за 50 лет числа городских обывателей: «а ныне... только таковых находится 1023 ревизских душ». Исправление ситуации они видели не в возвращении в город бывших горожан, а в приписке к Петрозаводску ближней «деревни Сулажгоры крестьян, простирающихся числом мужского пола около 150 душ, которые занимаются по большей части торгом и промыслом, принадлежащим купечеству и мещанству»¹⁰. Последнее свидетельствует, что не только горожане «осваивали» не относившиеся к их сословным группам профессии, но и сельские жители вполне свободно выполняли работы, закреплённые сословными законами за горожанами.

Но вернемся к Олонцу середины XVII в. Аналогично свободной записи селян в городское посадское население, набор в *городовые стрельцы* также осуществлялся путём перевода добровольно согласившихся («охочих людей» — из тех же крестьян Олонецкого уезда) на посад Олонца и формирования из них стрелецких десятков, полусотен и сотен. Для обустройства им был выделен целый район посада, в котором стрельцы поставили свои дворы; район получил название *Стрелецкая слобода*¹¹. Из добровольцев же, обосновавшихся в своих городских дворах, укомплектовывалась и небольшая группа пушкарей Олонецкой крепости. В 1659/60 г. девять пушкарей получили из олонцкого уездного бюджета по три рубля на «дворовое строение», в следующем 1660/61 г. двое пушкарей — по два рубля каждому на постановку двора¹².

⁹ Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Петрозаводск, 2001. Кн. 2. 1803–1903. С. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ См., например, сведения за 1685 г. из «Книги Олонецкого города обрубном строении»: «Да от Николских ворот до Большого мосту вниз подле Мерегу ж реку до Угловой башни, что против Стрелецкой слободы, пятьдесят сажень» (Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 2. Д. 245. Л. 7 об.).

¹² Там же. Ф. 137. Олонец. Д. 4. Сметные и поместные списки доходов и расходов Олонца и Заонежских погостов 1653–1663 гг. Л. 345 об., 411.

Мы привыкли, что солдаты регулярной армии, если и проживают в городах, то не в своих домах, а в казармах, расположенных на специально отведённой территории городских гарнизонов. Ситуация со стрельцами входит в явный диссонанс с этими устоявшимися представлениями. Дело в том, что к концу царствования Петра I, и даже к середине XVIII в., дети и внуки олонецких стрельцов уже были записаны *солдатами* олонецкого гарнизона, хотя они продолжали проживать в своих дворах в собственной слободе, которую просто переименовали из Стрелецкой в *Солдатскую*. Олонецких гарнизонных солдат и их семьи окормляла собственная приходская церковь во имя архангела Михаила, «архистратига Воинства Небеснаго», которая была поставлена в слободе ещё их дедами и отцами-стрельцами¹³. Поэтому олонецкие стрельцы (и солдаты) представляли собой довольно сплочённую группу, отграниченную от других и профессионально, и церковно — в виде собственного отдельного прихода с «воинским посвящением» церковного престола.

Данное положение дел не являлось чем-то исключительным ни тогда, ни позднее. Так, в том же Петрозаводске целый городской район носит историческое название Солдатская слобода — по улице Красной, переходившей в ул. им. Крупской (ранее — ул. Солдатскую); ещё в XIX в. в слободе в своих домах проживали солдаты Петрозаводского гарнизона.

Если же мы обратимся по времени «вглубь», то обнаружим, что сама солдатская служба была не нова для жителей Олонецкого уезда. Как раз с 1648 по 1666 г. в солдаты и драгуны «полков нового строя» были записаны почти все крестьяне Олонецкого уезда, то есть населения сельских территорий Заонежских погостов и Лопских погостов, но не новые горожане Олонца, которые пользовались привилегией «не тянуть солдатскую лямку». При этом новые горожане продолжали владеть и своими старинными деревенскими участками, а зачастую и жить в родной деревне; более того, олончане принялись скупать деревенские участки разорявшихся на службе солдат-крестьян (подробнее см. ниже).

Но чем данная ситуация отличалась принципиально от положения дел, зафиксированных более чем через столетие в указе императрицы Екатерины II из Сената от 3 марта 1782 г.? Указ так описал жизнь олончан в Олонецком уезде: «В самом городе Олонце живут крестьяне, а по уезду рассеяны купцы и мещане (*Олонца. — А. Ж.*), кои там имеют свои дóмы, земли и сенные покосы, отчего и происходит то неустройство, что оные никакой тяготы не несут, а живут

¹³ Там же. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2374. «Книга Олонецкого уезду церковникомъ, и другихъ чинов разночинцомъ, которые во 231 году не положены», 1722–1723 гг. Л. 3–7 об.; Д. 2384. «Книга переписная Новгородской губернии по городу Олонцу и его уезду имеющимся при соборной, приходских и ружных церквах, также и при монастырех действительным священно — и церковнослужителям и их детем, учиненная в 1749 году». Л. 1–12 об.

как помещики»¹⁴. Прочитанное описание можно было бы посчитать гротескным, связанным с негодованием столичной бюрократии по поводу невозможности привлечь горожан к приписным работам на петрозаводском Александровском пушечном заводе, если бы не обычность самой этой ситуации, которая, воспроизводилась на протяжении более чем столетия¹⁵.

Из приведённых примеров можно констатировать, что сословный статус как горожан, так и селян не по закону, а *на практике* не отличался слишком строгим разграничением их профессиональной деятельности, как того требовали новые сословные порядки абсолютной монархии.

Отметим, что уже по царскому указу 1649 г. в посадские записывались зажиточные селяне Заонежских погостов — «люди нескудные» и особенно промышлявшие торговлей, но которые за возрастом не могли быть записаны в солдаты («отписка» олонецких воевод Федора Волконского и Степана Елагина 1649 г., не позднее 27 октября)¹⁶. Уже из этого воеводского отчёта очевидно, что критерии отбора в посадские не сводились только к богатству и торговле, поскольку главным правилом отбора выступила негодность к военной службе в «полках нового строя». Действительно, именно с 1648 г. крестьяне будущего Олонецкого уезда были переведены на положение солдат, которых обучали военному делу нанятые за границей офицеры. Получается, что именно данный критерий — *по обязанностям*, а не по привилегиям и даже не по роду занятий — и лёг в основу формирования олонецких посадских: крестьяне — солдаты и рейтары, посадские же — нонкомбатанты.

Правда, И. А. Чернякова, ссылаясь на несколько челобитных о нежелании некоторых из выбранных переселяться в Олонец, делает неожиданный вывод, что в посадские записывали с явными злоупотреблениями, «кого придется, по принципу “лишь бы не меня”»¹⁷. Но во-первых, наличие нескольких челобитных ещё не означает, что подавляющее большинство новых посадских не соответствовало критериям отбора, а согласившиеся с переселением челобитных не слали. Во-вторых, имеется убедительное опровержение подозрений об имущественной несостоятельности первых олончан.

Сохранились бюджеты Олонца и Олонецкого уезда за первое десятилетие их существования. Из источников следует, что солдаты полностью освобождались

¹⁴ Сенатский указ «Об искоренении беспорядков и злоупотреблений, открывшихся в Олонецкой области» // ПСЗ. Т. 21. С. 422–430 (№ 15360).

¹⁵ Видимо, на такое же положение дел, как и в «олонецком указе» Сената, намекают и процитированные выше петрозаводские «Предложения по улучшению...» 1826 г. (Петрозаводск: 300 лет истории. С. 18).

¹⁶ Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 84.

¹⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. С. 182–183.

от основных налогов — *дани* за землю и *оброчных денег* за промыслы, но их выплачивали оставшиеся вне солдатской службы уездные «охудалые крестьяне и бобыли». Размер общей суммы составлял около 20,5 рублей со всего уезда. Однако в ходе напряжённых боев с Речью Посполитой, в 1654/55 г. и сельских бедняков взяли в солдаты. Чтобы покрыть недобор налогов, олонецкий воевода окольниковый В. А. Чоглоков провёл разбор землевладения и записал под налоговое бремя деревенские земли и сельские промыслы посадских олончан; в связи с этим общая сумма собранных уездных налогов сразу увеличилась в 28 раз (!), превысив 567 рублей¹⁸. В дальнейшем указанная сумма взималась без недоимки. Укажем, что в начале 1650-х гг. в Олонце стояло всего 60 посадских дворов, а через десять лет — около 160 дворов. О бедности первых немногочисленных олонецких горожан вряд ли возможно говорить.

Приведённый пример с выплатой налогов однозначно свидетельствует также о том, что при переводе селян на жительство в город, дальновидное правительство вовсе не стремилось лишить их земельных наделов в родных деревнях или запретить заниматься промыслами, т. е., говоря современным языком, ограничить базу налогообложения только «городскими» занятиями новых горожан. Наоборот, оно сразу же воспользовалось этим *сельским резервом* городской экономики, как только в том наступила нужда.

Вскоре выяснилось, что у подобного подхода имелась и другая сторона, чреватая ростом социальной напряжённости как внутри деревни, так и по отношению «деревни» к «городу». Как раз тогда, во время войны России с Речью Посполитой, а потом и со Швецией, олончане усиленно скупали сельскохозяйственные земли вблизи города и поодаль. И масштабы этих покупок были настолько велики, что вызвали массовое недовольство и челобитную от 7 октября 1662 г. всех олонецких крестьян-солдат на царское имя против «всех посадских людей». В тексте жалобы читаем: «*живут, государь, те посацкие по волостям, от города верст по десять и по двадцать, и по стю, и по двести, а не в городе, и паишут деревенские участки, и тягла... окромя оброчных денег... не платят ничего. И нам, холопом твоим, от них, посацких... жить стало натужно*»; кроме того, некоторые олончане силой отнимали крестьянскую пашню и сенные угодья, пока солдаты несли военную службу; солдаты потребовали возратить несправедно нажитое, пригрозив массовым дезертирством, «*чтоб нам, холопом твоим, от них в конец не погибнуть и в рознь не разбрестися, и с твоей бы, великий государь, салдатской службы не отбыть*»¹⁹. Это писалось во время войны, поэтому старший воевода Новгородского полка боярин кн. Б. А. Репнин, которому подчинялись

¹⁸ РГАДА. Ф. 137. Д. 4. Л. 88–89 об. (сведения из уездного бюджета 7163 [1654/55] г.).

¹⁹ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стлб. 129. Л. 221.

олонецкие солдаты, срочно отправил своему сыну воеводе Великого Новгорода И. Б. Репнину приказ: «и тебе велеть на Олонец к воеводе ко князю Терентию Мышецкому, и велеть [ему] про те их салдацкие от посацких людей тяготы и обиды всяким сыском накрепко, и по сыску, чево доведетца, меж ими указ учинить, чтоб им, салдатом, будучи на государевой службе, от их, посацких людей, разорения не было»²⁰.

Разбирательство, конечно, последовало, но олончане продолжали владеть собственными деревенскими участками. Вот, например, «крепость» олочанина посадского человека Ануфрия Петрова на своего брата, «Олонецкого города на посадского человека деревни Рышкалицы» Аверкия Петрова: 14 сентября 1709 г. братья поделили свой общий деревенский участок пополам, «а домовую посуду медную, железную и деревянную, и хоромное строение, и платье, и серебряную кузнь, и денежные, и хлеб молоченой и немолоченой, и в полях насеяной, розделили пополам в прошлых годах», кроме того, Аверкий отдал с доплатой двенадцати рублей брату Ануфрию свою часть дворового места, двора и хором с самым городе Олонце «на Скотинной улице у креста», а вместо этого получил от Ануфрия «клеть полевою, что у него, Аверкия под окном к берегу Туксинскому», то есть в деревне Рышкалицы на берегу реки Туксы; писал туксинский церковный преображенский дьячок Тимофей Никифоров²¹. Оба брата — посадские, но один, Ануфрий, получив имущество, предпочел жить в Олонце, а другой, Аверкий, остался в родной деревне Рышкалицы и наращивал здесь свои владения.

Кроме того, разными путями, в основном за неуплату долга, олончанам продолжали доставаться и собственно крестьянские наделы. В доказательство приведём несколько типичных примеров из истории семейства олонецких посадских людей Найковых. 2 января 1715 г. олончанин посадский человек Юрий Найков явил для записи в «Книгу записи крепостных дел» при Петровском заводе несколько договоров об аренде («кортомных памятей») своего отца Афанасия Назарьева сына Найкова.

По первой из «кортом», 19 марта 1665 г. Афанасий взял в аренду у крестьянина Микиты Лукьянова из деревни Понкары (рядом с деревней Рыпушкалицы) Низовской трети Олонецкого погоста его участок сенокоса в Киви-пожне, «промеж трех соседей», сроком на десять лет (до 19 марта 1675 г.). Микита сразу же получал деньги за весь срок аренды, а причитавшиеся с участка государевы подати и волостные выплаты Афанасий обязался выплачивать «в его, Микитины руки»

²⁰ Там же. Л. 223–224.

²¹ Там же. Ф. 615. Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв. Оп. 1. Д. 7753. Книга збору крепостных дел надсмотрщика Ивана Пономарева старых крепостей генваря с 1 числа 1715 г. Л. 21–22.

ежегодно. Но сверх того крестьянин занял у Афанасия 40 алтын «без роста» (беспроцентно), однако с тем условием, что отдаст долг только после окончания аренды сенокоса, причём *пока долг не будет выплачен, олончанин Найков вправе пользоваться пожней как своей собственной*, а Миките Лукьянову, «и роду его, и племени без тех денег в ту поженку не вступаться»²². Надо думать, что обедневший на солдатской службе Микита так и не смог вернуть заем в 40 алтын, и именно поэтому с 1675 по 1715 гг. сенокосом по-прежнему владел сначала Афанасий Найков, а затем его сын Юрий. Последний владел пожней у деревни Понкары и в дальнейшем, поскольку «кортома» без возражений была переписана в государственную учётную «книгу крепостей».

Вторым в «книге» записан договор об аренде от 9 апреля 1665 г. Афанасия Найкова на участок в Киви-пожне с другим местным крестьянином Андреем Варфоломеевым. Её условия были теми же, что и в первом случае, кроме суммы дополнительного займа — четыре рубля²³. Третья «кортома» того же олончанина от 6 марта 1665 г. говорила об аренде участка в Киви-пожне у крестьянина Осипа Мартьянова по прозвищу Сирной Солдат на тех же условиях и с дополнительным займом четырёх рублей; она была записана в «Книгу крепостей» 14 января 1715 г.²⁴ Тогда же была записана долговая расписка Осипа Афанасию от 17 ноября 1680 г. на заём дополнительно двух рублей с полтиною, а в конце этой «заемной кабалы» как бы подведён итог по двум последним разновременным документам: «И без тех 6 с полтиною рублей ему, Осипу, в ту пожню не вступаться»²⁵. Наконец, 14 января 1715 г. в учётную книгу была переписана «кортома» Афанасия последнему соседу Микиты, Андрея и Осипа, владевшему участком в Киви-пожне, — солдату Гаврилу Фофанову от 14 марта 1665 г., с теми же условиями, но с дополнительным займом 2 рублей 23 алтын и 2 денег²⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что крестьяне, бывшие хозяева участков большого сенокоса Киви-пожни, не смогли отдать свои долги посадскому человеку Афанасию Найкову, и с 1675 г. он, а затем его сын Юрий, стали владельцами всей Киви-пожни *de facto*, но не *de jure*, поскольку, по этим четырем кортомным памятям и одной «кабале», долги являлись бессрочными и участки должны были быть возвращены вышеперечисленным крестьянам или их наследникам при погашении займа.

Видимо, для Афанасия было выгодным вкладывать свои деньги в виде долга неплатежеспособным заёмщикам, поскольку кортомная память оборачивалась фактически залоговой записью на недвижимость (сенокосы). Поэтому в дальнейшем

²² Там же. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 1 об.—3.

²⁴ Там же. Л. 3—3 об.

²⁵ Там же. Л. 3 об.—4.

²⁶ Там же. Л. 4–4 об.

олончанин постарался стать не владельцем, как в предыдущих случаях, а собственником *de jure* заложенных ему других земель. После вступления во владение Киви-пожней, 9 мая 1675 г. он заключил ещё одну «кортому» на десять лет с крестьянином деревни Слобода Семеном Федоровым сыном Тергуя на большой сенокос на Кюлянском болоте, который находился рядом с сенокосом самого Афанасия и с которого выплачивался довольно высокий годовой налог в два рубля. Дополнительно Семен занял у Афанасия десять рублей, но условия оказались уже другими: если по окончанию аренды, в 1685 г. Семен не погасит долг, то вся его пожня достается Афанасию Найкову «по вся годы впредь», т. е. переходит в его собственность. Текст аренды также был представлен новым собственником пожни на Кюлянском болоте Юрием Найковым и скопирован канцеляристом в «Книгу записей крепостных дел» 14 января 1715 г.²⁷

Кстати, из текста ещё одной «крепости» от фамилии Найковых узнаём, что большой сенокос Кюлянское болото находился практически в черте самого города Олонца: «возле Большой Пробойной улицы, с верхней стороны улицы Больших Имманитц»²⁸. Как видим, этим городским сенокосом владели не только горожане (тот же Афанасий Найков имел там свой участок), но и крестьяне близлежащих деревень, которые, следовательно, сохраняли свои наследственные участки, даже несмотря на постройку города и вхождение большого сенокоса в городскую черту.

Так, данная закладная от 1 декабря 1685 г. появилась в связи с тем, что крестьянин деревни Путилово Иван Ильин занял у посадского человека Фотия Анисимова сына Найкова шесть рублей на один год, а в заклад передал во владение последнему свой участок сенокоса в Кюлянском болоте; заклад был бессрочным. Пока долг не будет выплачен, Фотий был вправе владеть сенокосом. Но в документе прослежена судьба этой закладной до 1715 г. Она использовалась как *вексель*. Долг не был выплачен, и Ф. Найков владел сенокосом вплоть до 1 июня 1700 г., когда «отдал Фотий крепость подьячему Приказной избы Роману Иевлеву». В тексте не указана причина передачи, но очевидно, что ею Фотий за что-то расплатился с подьячим. Затем, когда подьячий умер, его вдова Дарья Степанова дочь отдала «крепость» олонцкому посадскому Антипу Архипову «за свой долг», а 22 июня 1715 г. уже Антип и представил эту закладную-вексель для копирования в «Книгу крепостей»²⁹.

При анализе подобных арендных договоров, долговых расписок и закладных записей следует помнить о запрете властей лишать солдат-крестьян

²⁷ Там же. Л. 4 об.–5.

²⁸ Там же. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 27–27 об.

их недвижимости в ответ на солдатское челобитье 1662 г. против «всех посацких людей». В 1666 г. солдатская служба в полках «нового строя» Олонецкого уезда была отменена, солдаты стали вновь только крестьянами, и следовательно, данный запрет терял силу. Соответственно, теперь олончане могли становиться собственниками крестьянских участков *de jure*.

Например, 10 января 1677 г. была составлена купчая крепость на покупку у «корельского выходца» Козьмы Леонтьева его земельного надела олончанами Василием Серебряниковым с братьями. «Карельскими выходцами» в России называли беженцев из Кексгольмского лена Швеции (бывшего до 1611 г. Корельским уездом России); по царскому указу они наделялись деревенскими участками в наследственное владение. Так, в 1673/74 г., по грамоте олонецкого воеводы думного дворянина Богдана Ивановича Ордина-Нащекина карельский выходец Кузьма получил такой надел в олонецкой деревне Вярцелы, который в 1677 г. и продал Василию за 15 рублей и с передачей ему подлинной приказной памяти о праве на эту землю; 6 апреля 1715 г. родич Василия (брат?) Иван Федоров Серебряников зарегистрировал купчую записью её в «Книге крепостей»³⁰.

Надо сказать, что уже тогда некоторые посадские олончане предпочитали проживать не в самом городе, а в деревнях, поблизости от своих «участков деревенских». Например, 24 мая 1697 г. «олонецкий посадский человек деревни С Песку» Никифор Яковлев сын Кургина занял у олончанина же троицкого соборного священника Федула Матвеева 2 рубля, заложив ему свой деревенский участок сенокоса в урочище Вербой-болото; долг он не отдал, и пожня перешла во владение попу, который 4 августа 1703 г. сам отдал закладную другому посадскому человеку Матвееву Воробьеву «за свой долг»; наконец, последний, и тоже за долг, расплатился этой закладной-векселем ещё с одним олонецким посадским человеком из деревни С Песку Ефимом Насоновым (он представил её для снятия копии в учётную книгу 27 июня 1715 г.)³¹. Таким образом, в данном источнике зафиксированы четыре олончанина — священник и три посадских, причём двое из последних проживали не на посаде в Олонце, а в одной деревне С Песку; в результате оборота земельной закладной-векселя олончанин Ефим стал владельцем сенокоса своего деревенского соседа посадского же олончанина Никифора Кургина.

Деревенские владения помогли первым посадским пережить страшный пожар 1668 г., в котором сгорел весь Олонец вместе с крепостью. Как говорилось в царском указе 1672 г. о возобновлении крепости и города, «Олончания, посадские люди... сошли в Заонежские погосты в села и в деревни по-прежнему, кто где жил»; царь указал всех их

³⁰ Там же. Л. 14–15.

³¹ Там же. Л. 28–28 об.

«свесть по прежнему на посад, тотчас, и велеть им жить на посаде, а в села и в деревни без отпуску им ездить не велеть»³². Как видим, жизнь на посаде — вовсе не привилегия, а обязанность в духе крепостного права: указ прикреплял посадских к городу, точно так же, как вотчинные и помещичьи крестьяне прикреплялись к земле по крепостническим нормам Соборного Уложения 1649 г. В свете изложенного вывода предлагаем вновь оценить указ 1782 г. Екатерины II и степень негодования высшей имперской бюрократии на олончан: оказывается, даже через столетие после царя Алексея Михайловича в городе придерживались *de facto* того же положения, которое стихийно сложилось в истории раннего Олонца. Процитированная выше «раздельная крепость» братьев-олончан 1709 г. отражает ход этого процесса в тяжелую Северную войну со Швецией.

Имеются материалы и за более раннее время, которые говорят о том, что даже уездные власти не рассматривали проживание олончан вне города как преступление. Во-первых, как ни парадоксально, уже крепостнический царский указ 1672 г. предусматривал вполне законную лазейку для его неисполнения, а именно клаузула «без отпуску им ездить не велеть». Следовательно, уездные власти были вправе давать такие разрешения-«отпуска».

Во-вторых, сама практика проживания посадских олончан не в городе, а в деревнях уезда (то есть не только в ближайшем Олонецком погосте, но и в других Заонежских и Лопских погостах) приводила к тому, что власти относились к такому положению дел как к данности. Более того, при оперативном управлении, например, в важнейшей сфере исполнения жителями государственных повинностей, они считали посадскими не только дворы олончан, стоявшие непосредственно в городе на посаде, но вообще все дворы посадских, в какой бы сельской местности уезда они ни находились. Причём местные власти докладывали в столичные приказы «на царское имя» об этом как о самом собой разумеющемся, даже не упоминая олонецкий указ Алексея Михайловича 1672 г.

В доказательство приведём строки из отчета воеводских властей Олонецкого уезда в Новгородский приказ на имена царей Ивана и Петра Алексеевичей об обрубном строении Олонецкой крепости (был подан 18 февраля 1685 г.). Во исполнение царского указа, в счёт военной повинности «города городить» жители уезда должны были починить «обруб» — пострадавшие в половодье укрепления перед крепостью, на рву и по рекам Верхний Олонец и Мергега, построить новые надолбы, отремонтировать мосты перед крепостными воротами, а также сорванную ураганом кровлю на крепостных стенах. Для этого со всех податных дворов уезда собирались деньги на оплату бревен, гвоздей и работу

³² Карелия в XVII в. С. 225.

плотников — по три алтына две деньги со двора. Поэтому в документ содержится точный подсчёт всех дворов, начиная с дворов посадских олончан. Прочитываем: «С Олонца с посацких людей и з бобылей, которые живут в городе на Олонце и за городом в слободах, да на Олонце ж в стародворцовых и в повоотписанных в семи третях, и на Сямозере — с трехсот с пятидесяти з девяти дворов — 35 рублей 30 алтын. И те деньги взяты.

С посацких же людей, которые живут в Заонежских погостех на своих участках в пахотных деревнях — с Важинского, с Оптинского, с Мегорского, с Вытегорского, с Андомского, с Шун[г]ского, с Кижского, с Шуйского, с лопского Линдозерского погостов, с Кузаран[д]ской волости и с Повенецкого рядку, — со ста тридцати с пяти дворов — 13 рублей 16 алтын 4 денги. И те деньги взять»³³. Далее в отчете расписано количество крестьянских дворов по третям Олонецкого погоста и по Заонежским и Лопским погостам³⁴.

Приведённый отрывок о посадских олончанах и их «Олонце» (и городе, и сельской местности одновременно), свидетельствует о том, что уездные и столичные приказные власти не интересовало, сколько именно посадских дворов стояли непосредственно в городе, как и не занимало, какое их количество находилось по отдельности в каждой из олонецких третей (групп волостей), или в других погостах. Потому что всё это было совершенно неважно для исполнения государственной повинности. Важным было взыскать сбор сполна.

Практика государственного управления, и особенно в сферах исполнения перед государством повинностей, выплат налогов и сборов, вела к тому, что был важен сам социально-политический статус человека (посадский ли, крестьянин, и т. д.), каким бы размытым на деле он ни являлся, а не конкретные занятия поданного, тем более — место его проживания. Даже сам статус не чётко определял обязанности перед государством, которое было вправе требовать от горожан выплат сельскохозяйственных (деревенских) налогов, если посадский проживал в «пахотной деревне» или владел там участком, а от крестьян — городских сборов, например, на ремонт городских укреплений. Олончане же, как и крестьяне Олонецкого уезда, пользовались таким положением, осваивая податные «специальности» друг друга.

Безусловно, к складыванию такого положения подталкивали и обстоятельства проживания в отдалённой приграничной крепости — постоянная угроза нападения шведов через близкую государственную границу и, в связи с этим, малые размеры собственной торговли олончан в городе. В уже упоминавшемся бюджете Олонца и Олонецкого уезда 1654/55 г. зафиксирована новая статья доходов — пошлины

³³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 245. Л. 13 об.–14 об.

³⁴ Там же. Л. 14 об.–25 об.

с посадских торговых лавок и амбаров: 5 рублей 14 алтын 4 деньги³⁵, то есть уже в 103 раза меньше, чем взятые тогда же 567 рублей прямых налогов за посадское владение землёй и ведение промыслов на селе. Начавшаяся в 1656 г. война со Швецией вообще закрыла приграничную торговлю. Только после заключения очередного «вечного мира» с королевством в 1661 г. эта торговля возобновилась, и тогдашний уездный бюджет зафиксировал: выдано 49 проезжих грамот олонечким торговым людям на проезд в Швецию, взята пошлина 24 рубля 25 алтын³⁶. К концу XVII в. торговля олончан окрепла. Р. Б. Мюллер приводит строки из источника 1694 г.: из Олонца в Швецию ежегодно выходят «карбасов по 20 и болши, а на всяком карбасе бывает товару тысяч по 10 и болши»; обратно везли главным образом золотые монеты (для продажи их в казну) и дефицитные металлы³⁷. Она же приводит данные о внутренней торговле олончан на крупнейшей на Севере Тихвинской ярмарке: 1654 г. — 56 торговца, 1675 г. — 44, 1693 г. — 62 человека³⁸.

Заметим, однако, что под олончанами источники не обязательно имеют в виду собственно олончан-посадских: за пределами Олонецкого уезда олончанами называли вообще всех его жителей. Напомним, что в отличие от западных стран (той же Швеции, например), в России торговать имели право не только горожане, но и крестьяне, что подтверждается множеством частнопроводных актов, в том числе происходящих из Олонецкого уезда. Даже международную торговлю могли вести уездные селяне-торговцы.

Доказывает такое положение вещей источник из среды олонечких купцов — и посадских, и селян, которые были пленены шведами на территории своего королевства в начале Северной войны с Россией. Оказавшись в Стокгольме, один из них, торговец из Вытегорского погоста Родион сын Попов, 4 августа 1703 г. занял у своего собрата по несчастью «олончанина посадцкого человека Сидора Федорова сына Белозерова свицких денег сто ефимков, а противу русских десять рублей, а заплатить на Руси»; «писал, будучи в полону, Оштинского погосту Нижней Водлицы Назар Васильев сын», то есть ещё один олонечкий сельский торговец; свидетелями займа выступили два плененных торговых олончанина — «города Олонца посадские люди». При этом законность такой заёмной (попутно — и правомочность занятости сельских торговцев в сфере международной торговли) вполне признавалась государством: в 1715 г. она тоже была переписана в «Книзу крепостей» Петровского завода, подобно множеству вышеприведенных земельных актов³⁹.

³⁵ Там же. Ф. 137. Олонец. Д. 4. Л. 100 об.–101.

³⁶ Там же. Л. 406.

³⁷ Мюллер Р. Б. Очерки истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 193.

³⁸ Там же. С. 165.

³⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 7753. Л. 28.

Иллюстрацией ко всему сказанному о степени развитости внутри города Олонца торговли в разные времена служит нумизматический материал, поднятый с 1000 м² археологических раскопов в Олонецкой крепости и близ неё. Из 107 найденных монет подавляющее большинство составляют монеты XVIII–XIX вв., только пять относятся к концу XVII — началу XVIII вв., и ни одной монеты с конца 1640-х по 1672 г. (до времени второй Олонецкой крепости) не обнаружено⁴⁰. Действительно, торгом внутри города времен первой Олонецкой крепости Олонец ещё не мог похвастаться.

Приграничное положение Олонца потребовало от правительства организации стрелецкого гарнизона. Р. Б. Мюллер считала, что корпус олонецких стрельцов возник в 1660 г., с присылкой в Олонец 30 иногородних стрельцов для несения караульной службы⁴¹. Однако наши источники дают более раннюю дату появления стрелецкого гарнизона, причём набранного из местных жителей. Речь идёт о бюджете Олонца и Олонецкого уезда 1656/57 г. (года начала война со Швецией и зимнего прихода большого шведского отряда под Олонец). Там зафиксирован царский указ и наказ из приказа Новгородской четверти воеводе В. А. Чоглокову: ему было велено на Олонце (читай — в уезде) прибрать из бобылей 200 человек стрельцов, положив им жалованье по пять рублей на год; там же есть запись об исполнении указа: набрано 190 стрельцов, выплачено каждому по 1 рублю 15 алтын 4 деньги⁴². Простой расчёт показывает, что это выплаты за три с половиной месяца. Поскольку год заканчивался 31 августа, то *начало стрелецкой службы на Олонце следует отнести к середине мая 1657 г.* Совершенно очевидно, что Москва озаботилась безопасностью новой крепости сразу после отражения зимнего шведского штурма Олонца и в условиях, когда уездные солдаты отправились в Швецию на войну. Бобыли — категория сельского населения, они не имели общинной пашины и занимались промыслами и наёмным трудом. В марте 1658 г. число стрельцов было доведено до указных 200 человек⁴³.

Видимо, поначалу стрельцы были размещены в домах посадских, так как лишь в 1660/61 г. из казны им было выделено 400 рублей «на дворовое строение» (по два рубля на человека), а также прибавка к жалованью за хлеб и овёс для лошадей⁴⁴. Этот год и следует считать годом рождения в Олонце Стрелецкой слободы (по южному берегу реки Мегрега). Наконец, в следующем 1661/62 г. число стрельцов по царскому указу было увеличено до 300 человек, новым также выплатили по два рубля на дворовое строение, а всего трем сотникам, шести пятидесятникам, 24 десятникам и рядовым стрельцам было выплачено за этот год

⁴⁰ Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 71.

⁴¹ Мюллер Р. Б. Очерки... С. 160.

⁴² РГАДА. Ф. 131. Олонец. Д. 4. Л. 203 об.–204.

⁴³ Там же. Л. 251–252.

⁴⁴ Там же. Л. 430–431.

почти 7970 рублей, правда, медными деньгами. Это составило 47 % от всех годовых уездных расходов, включая жалование уездным солдатам трех полков нового строя⁴⁵.

Как видим, содержание стрельцов казне обходилось недешево. У стрельцов были важные задачи: во-первых, они охраняли крепость Олонец, а во-вторых, служили пограничной и таможенной стражей на русско-шведской границе. Когда же в конце 1670-х гг. на самоуправление города Олонца правительство возложило обязанности по начислению и сбору налогов со всего уезда, то стрельцы стали исполнять и полицейские функции, охраняя олонецких налоговых сборщиков и приставов с собранными деньгами и препровождая в Олонец на суд неплательщиков налогов. Несомненно, как и везде, стрельцам не возбранялось заниматься личными промыслами и торговлей.

Известно, что Петр I упразднил стрелецкие войска. В Олонце стрельцов записали в солдаты, оставив их проживать в своей слободе, которая теперь стала называться Солдатской. Об этом свидетельствуют Переписная книга действительным и недействительным священно- и церковнослужителям 1722–1723 гг., в которой отмечен «пригород» с церковью во имя архангела Михаила, архистратига воинства Небесного, то есть стоящая вне крепости Олонца Солдатская слобода⁴⁶. Сам храм был построен стрельцами в Стрелецкой слободе в 1672 г., когда появилась и новая Олонецкая крепость⁴⁷.

Итак, на примере положения олонецких посадских и стрельцов наш анализ показал незавершённость оформления социального (сословного) статуса российского горожанина во второй половине XVII — начале XVIII вв. Данное существенное обстоятельство опровергает высказываемое в историографии отечественной истории XVII–XVIII вв. мнение о закреплении всего населения уже к началу XVIII столетия.

На деле реальный статус горожанина, посадского и стрельца, характеризует приставка *полу-*. Олончане-горожане являлись одновременно полукрестьянами и полоторговцами. Вторая половина постоянного населения города, стрельцы, были полувоенными и полуремесленниками, а потом и полуполицейскими. Главной особенностью, отличавшей положение российского горожанина, выступали не род занятий или привилегии, как на Западе, а обязанности, доходившие до полукрепостнической приписки к посаду. Уже во время основания города именно критерий *обязанностей*, а не привилегии или род занятий, лёг в основу формирования корпуса первых олонецких посадских. Но горожане, как и крестьяне, все же могли этому противостоять, пользуясь всё тем же своим полуопределённым статусом. Поэтому и в будущем сословный статус как горожан, так и селян не по закону, а *на практике*, не отличался слишком строгим разграничением их профессиональной деятельности, как того требовали новые сословные порядки абсолютной монархии.

⁴⁵ Там же. Л. 498 об.–499.

⁴⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2374. Л. 3.

⁴⁷ Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 99.

У посадских важным стимулом для обеспечения себя известным достатком стала возможность приобретать крестьянские наделы во владение и даже в собственность — в прибавку к сохранявшимся за ними наследуемыми деревенскими дворами и угодьями. В результате уже в последней четверти XVII в. большинство олонечких посадских проживало не в городе Олонце, а в своих деревнях. Особенно много таких «крестьянско-посадских дворов» стояло в деревнях Олонецкого погоста.

Практика государственного оперативного управления в несении государственных повинностей и выплат налогов вела к тому, что был важен принципиально сам социально-политический статус человека (посадский, стрелец, крестьянин), каким бы размытым на деле он ни являлся, а не конкретные занятия поданного, и тем более, не место его проживания, как в сословной стратификации общества западного типа. Но даже этот социальный статус не чётко определял обязанности российского поданного перед государством. Государственные власти были вправе требовать от горожан выплат сельскохозяйственных (деревенских) налогов, если посадский проживал в деревне или владел там участком, а от крестьян — городских сборов, например, на ремонт городских крепостных укреплений. Поэтому олончане, как и крестьяне Олонецкого уезда, пользовались таким положением, осваивая податные «специальности» друг друга. Тем самым они увеличивали круг экономических возможностей каждого из хозяйств в довольно скудных условиях приграничной северной окраины государства.

Но и государство также пользовалось этим обстоятельством для наращивания своей налогооблагаемой базы в северном уезде. Полукрестьянский уклад многих посадских олончан увеличивал сумму налогов, полугородские торгово-промышленные занятия многих селян давали законную возможность привлекать их к выполнению военных повинностей в городе.

Сельские бобыли прямо набирались властями для создания корпуса городских олонечких стрельцов, которые в следующем XVIII в. получили солдатский статус, но продолжали проживать в своих дворах, в своей Солдатской слободе, с собственным отдельным Михайловским приходом.

В целом вырисовывается система взаимного поддерживания статусов горожанина-посадского, горожанина-стрельца (солдата) и крестьянина путём освоения всеми этими непривилегированными категориями податного населения сословно-профессиональных занятий друг друга. Абсолютистское государство могло лишь констатировать данное положение вещей, иногда выражая свой указной гнев.

Список литературы

Древний Олонец / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. — 2-е изд., перераб. и доп. — Петрозаводск : Verso, 2011. — 173 с.

Жуков, А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII вв. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2013. — 491 с.

Жуков, А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2003. — 255 с.

Каменский, А. Б. «Под сению Екатерины...»: вторая половина XVIII века / А. Б. Каменский. — Санкт-Петербург : Лениздат, 1992. — 447 с.

Карелия в XVII в. : сборник документов / Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. — 441 с.

Марасинова, Е. Н. Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) / Е. Н. Марасинова // Связь веков: исследования по источниковедению истории России до 1917 года : памяти профессора А. А. Преображенского : сборник статей. — Москва : РОССПЭН, 2007. — С. 277–302. — URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=422>. — (29.12.2018).

Марасинова, Е. Н. Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века / Е. Н. Марасинова. — Москва : Наука, 2008. — 458 с. — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213372767>. — (29.12.2018).

Милов, А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / А. В. Милов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 573 с.

Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. — Т. 1. — 547 с.

Мюллер, Р. Б. Очерки истории Карелии XVI–XVII вв. / Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. — 175 с.

Петрозаводск : 300 лет истории : документы и материалы. — Петрозаводск : Карелия, 2001. — Кн. 2. 1803–1903. — 400 с.

Сословия и государственная власть в России : XV — середина XIX вв. : международная конференция Чтения памяти Л. В. Черепнина. — Москва : Межвузовский центр гуманитарного образования «Петр Великий» Московского физико-технического института, 1994. — Ч. I–II.

Чернякова, И. А. Карелия на переломе эпох : очерки социальной и аграрной истории XVII века / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=465>. — (29.12.2018).